
Nordic mood
Копенгаген
1802
Копенгаген
2026
Золотые рога
из Галлехуса

Nordic mood

Золотые рога из Галлехуса

«Автор»
2026

mood N.

Золотые рога из Галлехуса / N. mood — «Автор», 2026

Наверное, вы думаете, что я сделал это ради золота?Конечно, ради него....Не стану оскорблять ваш ум красивой ложью.У человека бывают долги. Есть люди, которые следят за ним, ожидая, когда он снова оступится. Есть мастерская, где инструменты стоят дороже, чем всё то, что удаётся продать. Золото, по крайней мере, не смеётся над тобой. Знаете, что в ремесле самое унизительное? Можно всю жизнь учиться превращать бесформенный металл в нечто прекрасное лишь для того, чтобы понять: людям нет дела до твоих рук — им важно лишь имя, выбитое на изделии.Эти рога столетиями лежали в земле. Потом их нашли, объявили сокровищем, заперли за стеклом и люди стали рассказывать байки о том, что они — часть истории. История...хахаха я покажу вам историю..._____Спокойная рутина Кристиана в Копенгагене оборачивается вихрем загадок. Обычное утро, пропитанное ароматом свежей выпечки и хорошего кофе, внезапно даёт трещину: из-за досадной ошибки почтальона в руки героя попадает чужое письмо.

© mood N., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 15
Глава 6 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Nordic mood
Золотые рога из Галлехуса

Глава 1

Наверное, вы думаете, что я сделал это ради золота?

Конечно, ради него.

Не стану оскорблять ваш ум красивой ложью...

У человека бывают долги.

Есть люди, которые следят за ним, ожидая, когда он снова оступится и упадет вниз.

Есть мастерская, где инструменты стоят дороже, чем всё то, что удаётся продать.

Золото, по крайней мере, не смеётся над тобой.

Знаете, что в ремесле самое унизительное?

Можно всю жизнь учиться превращать бесформенный металл в нечто прекрасное лишь для того, чтобы понять: людям нет дела до твоих рук — им важно лишь имя, выбитое на изделии.

Эти рога столетиями лежали в земле. Потом их нашли, объявили сокровищем, заперли за стеклом и люди стали рассказывать байки о том, что они — часть истории.... История аха-хаха, я покажу вам историю.....Меня зовут **Нильс Хейденрейх** я Датский часовщик и ювелир, искусный мастер, посветивший ремеслу, всю свою сознательную жизнь....

Сейчас глубокая ночь, на моем столе горит свеча, и я только что ограбил королевскую сокровищницу Дании...

Бывало ли у вас в жизни такое, что вы задавались вопросом, как так получается, что я разбираюсь в тончайшем ремесле, я посветил этому всю жизнь, но мой труд все еще не ценят по достоинству? Так было со мной. Посвятив всего себя образованию и ремеслу, на выходе, я попал в ситуацию, где соверши я удачно лишь одну кражу, я бы заработал больше, чем за всю свою жизнь, в качестве добропорядочного часовщика или ювелира, разве это справедливо спрошу я вас? Разве справедливо, что спланировав тщательно лишь одну кражу двух кусков металла, впрочем, должен признать, прекрасно сделанного металла, с загадочными рисунками, словно их сделали майя или ацтеки. Я получу возможность жить безбедно всю оставшуюся жизнь?Я спрашиваю себя, как так получается, что плата за риск, быть пойманным полицией, такая низкая, а цена двух рогов провалявшихся в земле черт знает сколько веков, такая высокая?И это при том, что я, как никто другой знаю, как делать деньги, в самом прямом смысле этого слова.

А впрочем, какая мне разница до вашего мнения?История штука забавная, иногда, чтобы стать частью истории, достаточно одного действия или бездействия, в иной раз, даже положив жизнь на то, чтобы хоть как-то остаться в памяти людей, вы потерпете крах.

В Копенгагене сейчас все также спокойно, как и час назад, я люблю этот город, даже после пережитого 7 лет назад пожара, он все ещё прекрасен и спокоен, со своей чарующей атмосферой, в которой почти никогда ничего не происходит....

Я снимаю комнату на улице Студиестрэде 105, в новом, только что построенном после пожара, угловом доме. Наверное, для начала XIX века это неплохо, но даже платить вовремя аренду у меня получается не всегда. Вы не подумайте, я не жалуюсь, мне повезло родиться в Дании. Может мы не самая влиятельная или богатая страна в Мире, но каждый датчанин знает, что он счастливчик. Через несколько часов Копенгаген узнает, что наконец-то произошло что-то необычное, и у людей на улице появится повод поговорить. Повод появится, но обсуждать конечно никто ничего не будет. Ночь уже близится к рассвету, возможно, через несколько часов

полиция найдет меня, но спешить почему-то совсем не хочется. Каким бы я не был циником, даже мне интересно, какое послание веков зашифровано в этих артефактах.Археологи говорят, что эти рога примерно V века нашей эры, и только этого достаточно, чтобы их ценность стала в сотни раз выше, чем стоимость золота из которого они изготовлены.Однако, скажу вам, как ювелир со стажем. Определить век золотого изделия по самому металлу **нельзя.** Химический состав золота не меняется от эпохи к эпохе. В расплавленном виде, золото V века ничем не отличается от золота нашего XIX века.

Все зависит от мастерства ювелира,от стиля и техники и от имени ювелира или ювелирного дома на изделии.Какая-нибудь благородная дама или даже королевская особа не увидит разницы между браслетом созданным в XVI веке и браслетом созданным час назад.... Но с радостью отдаст состояние за браслет XVI века, и будет торговаться за каждый ригсдалер, если узнает, что это новодел... Разве в этом есть смысл?

Глава 2

Копенгаген, наши дни.

Кристиан вышел из Meyer's Bakery на Энгхаве-пладс. Это одна из лучших пекарен в городе. Владелец, Клаус Майер, достаточно знаменит как в Дании, так и за её пределами. Он посвятил свою жизнь кулинарии и настолько отточил мастерство кулинара и бизнесмена, что сейчас к нему на обучение приезжают из разных стран.

Кристиан искренне восхищался талантами Клауса, и мысль о том, что на таком нишевом ремесле можно построить бизнес международного масштаба, приводила его в восторг.

Ему уже было 30 лет, а он не был уверен, что знает, чего хочет от этой жизни. Пока он знал, что обожает выпечку Meyer's, любит слушать джаз на виниловых пластинках и читать книги в Королевской библиотеке Дании.

На улице было удивительно тёплое и солнечное майское утро: на площади родители гуляли с детьми, в фонтане плескались голуби, а часть людей спешила в метро, чтобы поехать на работу.

В хорошем настроении Кристиан пошёл домой. От пекарни до его квартиры на Хадерслевгаде было минут семь пешком. Зайдя в подъезд, он держал в руках упаковку свежемолотого кофе и пару булочек в пакете.

Это простой и популярный вариант завтрака: свежие булочки разрезают пополам, намазывают сливочным маслом и сверху кладут сыр — чаще всего датский твёрдый, например Havarti или Danbo.

Кристиан вытащил почту из своего почтового ящика и зашёл в квартиру. Дома, радостно виляя хвостом, его встретил Оливер — золотистый ретривер трёх лет от роду, которому ласка хозяина была нужна больше, чем корм или воздух.

Первым делом Кристиан пошёл варить кофе и забросил булочки в духовку. Потом приступил к разбору почты. Среди рекламных буклетов, счетов за электричество и пары еженедельных газет он увидел письмо. Машинально вскрыв его и достав содержимое, он начал читать:

«Дорогой Питер, если ты читаешь это письмо, значит…»

— Питер?

Тут Кристиан взял конверт в руки и прочитал надпись:

Питеру Ларсену

Хадерслевгаде, 34

Копенгаген

От Эмиля Брённстэда

MinArv — цифровое наследие, собранное в одном месте.

— Чёрт, это даже не мне…

Кристиан почувствовал себя неуютно из-за того, что вскрыл конверт, который ему даже не предназначался. Должно быть, курьер перепутал ящики, которые находились рядом друг с другом. Их дому было уже больше 100 лет, и жильцы обладали единым блоком почтовых ящиков.

Это компактная конструкция, объединяющая несколько индивидуальных ячеек в один общий модуль, который размещается в холле или вестибюле у входа. На каждой ячейке указаны имя и фамилия владельца квартиры, но, похоже, почтальон был стажёром или просто не особо внимательным в этот понедельник.

Питер Ларсен был учёным-историком Копенгагенского университета и соседом Кристиана по лестничной площадке. Они иногда вместе пили кофе и играли в шахматы прохладными зимними вечерами. Питер был на 15 лет старше самого Кристиана, но они оба были увлечены

историей, хорошим кофе и коллекционированием виниловых пластинок. Это не делало их друзьями, конечно, но было достаточно для того, чтобы поддерживать хорошие добрососедские отношения пару раз в месяц.

Питер жил один. Иногда у него бывали романы, но Кристиан знал только об одних его серьёзных отношениях, которые, к сожалению, не продержались и года. Девушка ушла, оставив растерянного профессора истории в непонимании причин такого поступка.

Сам Кристиан, конечно, догадывался. Профессор был отличным товарищем и учёным, но если в твои 45 лет у тебя нет ни собаки, ни жены, то, скорее всего, уже и не будет. А связано это может быть с чем угодно. Но, вероятнее всего, профессор был слишком сложным человеком: он привык учить людей, а не учиться у них.

Кристиан погладил Оливера, который радостно принёс любимый пищащий бургер. Это напомнило Кристиану о булочках в духовке и кофе в гейзерной кофеварке.

Он сложил письмо с твёрдым решением отнести его Питеру после завтрака. Кристиан знал, что утром Питер всё ещё дома, так как лекции по понедельникам у него начинались во второй половине дня.

Пока он завтракал, в его голове прокручивалась мысль, которая пока просто не могла сформироваться в законченный вывод. Кристиан попал в состояние, когда мозг заметил что-то необычное, выбивающееся из привычной картины, но ещё не обработал информацию, чтобы выдать результат непроизвольных наблюдений.

К концу завтрака Кристиан наконец-то понял, что именно здесь было необычным: кто-то написал Питеру бумажное письмо от руки — не официальное, а обычное! Вот что так непроизвольно встревожило ум Кристиана. Сейчас даже для профессора университета это было необычно.

В этом году даже PostNord, которая работала в Дании с 1624 года, то есть уже более 400 лет, объявила о прекращении доставки писем в связи с повсеместной цифровизацией. 30 декабря 2025 года PostNord доставила своё последнее бумажное письмо.

Окончив завтрак, Кристиан взял письмо и положил его обратно в конверт, про себя отметив, что письмо — не единственное, что лежит в конверте: там явно лежала ещё фотография и что-то железное. Подавив внутреннее любопытство и напомнив себе, что нельзя вторгаться в чужие дела без приглашения, он отправился к соседу.

Постучав в дверь, Кристиан прокручивал в голове, с чего начать объяснение ситуации. Но, к его удивлению, дверь открыла девушка лет тридцати пяти.

В ней была та особенная красота, которая не требует ни украшений, ни громких жестов. Она словно принадлежала к числу женщин, чьё присутствие замечаешь не сразу, но, однажды заметив, уже не можешь забыть.

Светлые волосы, небрежно собранные на затылке, мягкими прядями обрамляли лицо. Несколько тонких локонов выбились у висков, придавая её облику ту естественную непринуждённость, которую тщетно пытаются воспроизвести перед зеркалом. Глаза — серо-голубые, ясные, с едва уловимой прохладой северного утра — смотрели спокойно и прямо. В уголках губ таилась лёгкая улыбка: не кокетливая, не обещающая, а скорее знающая себе цену.

В чертах её лица не было ничего нарочитого. Красота её держалась на тонком равновесии: чуть высокие скулы, мягкий изгиб губ, выразительная линия подбородка и благородная сдержанность взгляда. В ней чувствовалась женщина, привыкшая полагаться на собственное суждение и не слишком заботиться о том, какое впечатление производит на окружающих.

Она была одета просто, почти строго: чёрный свитер, свободные брюки, тонкий ремень с небольшой золотистой пряжкой. Маленькие золотые серьги едва поблёскивали у лица. Ничего лишнего — и всё, казалось, было на своём месте. В её манере одеваться чувствовался не расчёт произвести впечатление, а спокойная привычка к хорошим вещам.

Она напоминала один из тех ясных осенних дней в Копенгагене, когда над старинными крышами стоит холодное, прозрачное небо, ветер трогает волосы прохожих, а в окнах уютных кафе уже зажигают свечи.

И, пожалуй, самое привлекательное в ней заключалось даже не в правильности черт и не в тонкой элегантности. Было в ней что-то неуловимое — сочетание мягкости и внутренней твёрдости, доступности улыбки и некоторой душевной независимости. Такая женщина могла показаться приветливой, но едва ли кто-нибудь мог бы сказать, что разгадал её.

Кристиан забыл, зачем пришёл к Питеру…

Она спокойно сказала:

— Привет, чем могу помочь?

— Привет, — только и смог сказать Кристиан.

Пауза длилась уже почти минуту, прежде чем до него дошло, почему он здесь.

— Меня зовут Кристиан, я сосед Питера. Могу я с ним поговорить?

— Очень приятно, Кристиан.

Я Кэтрин, девушка Питера. Его сейчас нет дома: он улетел вчера на научную конференцию в Швецию. Но он вернётся уже в эту среду.

Могу я ему что-то передать? — сказала она, глядя на конверт в руках Кристиана.

Он на секунду замялся, потом не очень уверенно сказал, что, в принципе, ничего срочного и он дождётся Питера. И, кажется, этим смутил обоих.

— Хорошо, я передам, что ты заходил, как только он вернётся.

— Спасибо, хорошего дня.

— И вам, — сказала она и слегка улыбнулась.

Вернувшись домой, Кристиан твёрдо решил, что в этом году наконец точно займётся устройством своей личной жизни, хотя прибежавший к нему Оливер явно считал, что они отличная команда, а для него дополнительный человек в жизни хозяина был дополнительным источником обнимашек и партнёром для игры.

Подойдя к столу и положив конверт, он обратил внимание на первую полосу еженедельной газеты. Заголовок гласил: «Профессор Эмиль Брёндстед найден мёртвым после несчастного случая».

Копенгагенский университет скорбит об уходе многолетнего исследователя датского железного века и искусства древности. Полиция предварительно квалифицирует смерть как несчастный случай.

Профессор Эмиль Брёндстед был найден мёртвым в субботу вечером в Копенгагене после происшествия, которое полиция на данный момент рассматривает как несчастный случай. Брёндстеду было 60 лет. Он был профессором североевропейской археологии в Копенгагенском университете и на протяжении нескольких десятилетий исследовал датский железный век, искусство древности и археологическую иконографию.

Особую известность ему принесла работа с Золотыми рогами из Галлехуса. В последние годы он также занимался новыми вопросами исторической реконструкции этих двух знаменитых предметов.

По информации полиции Копенгагена, на данный момент ничто не указывает на то, что смерть стала результатом преступления. Полиция сообщает, что признаков насилия не обнаружено.

В Копенгагенском университете Брёндстеда описывают как увлечённого исследователя, проявлявшего большой интерес как к археологическим источникам, так и к истории того, как интерпретировалось прошлое. «Это большая потеря для нашего профессионального сообщества», — заявил представитель Копенгагенского университета.

В голове Кристиана сложился пазл: за пару минут он осознал, что с очень большой вероятностью Эмиль из статьи, который умер в субботу вечером, и Эмиль, который написал письмо Питеру, — это один и тот же человек…

В душе начала подниматься тревога, он взглянул на конверт.

Глава 3

Копенганен 1802 год.

Иногда мне кажется, что в этом городе всё имеет свою цену.

Дом — налог.

Серебро — пробу.

Часы — точность.

Золото — вес.

Чужое состояние — историю, о которой предпочитают молчать.

И всё же существуют вещи, стоимость которых невозможно определить ни одним из этих способов.

Нельс Хайденрайх уже неделю наблюдал за шумихой, которая возникла в обычно спокойном Копенгагене после того, как неизвестный ограбил королевскую сокровищницу и унёс два золотых рога.

Вопреки ожиданиям, что его поймают на следующий или в этот же день, он обнаружил, что всё, что смогла сделать полиция, — это беспомощно развести руками и провести допросы сотрудников.

Может быть, они сделали что-то ещё, конечно, но пока и он, и рога были на свободе.

За эту неделю за возвращение рогов была назначена награда в тысячу ригсдалеров. Подумать только!

Какая-то часть Нельса действительно размышляла над тем, чтобы просто вернуть рога и стать героем в глазах общества — того самого общества, которое так не ценило его честную работу часовщика и ювелира, зато оценило его нечестную кражу в целых тысячу ригсдалеров.

На эти деньги можно было купить землю и нанять прислугу на пару лет вперёд.

Национальный банк (Курантбанкен) как раз выпустил новую банкноту номиналом 1 ригсдалер в этом году, пытаясь остановить сумасшедшее обесценивание денег.

А вот золото оставалось в цене. Это позволило Нельсу не соблазниться предложением короны о награде.

Он хоть и не был главой Курантбанкен, но даже он отлично понимал, что золото ценится просто на вес, а два рога вместе весили около 7 кг. Без какой-либо художественной или исторической ценности они стоили больше ежедневно обесценивающихся бумажек.

Стоимость просто золота, даже с примесью, была раза в четыре выше, чем награда.

Иногда мне кажется, что в этом городе всё имеет свою цену.

Дом — налог.

Серебро — пробу.

Часы — точность.

Золото — вес.

Чужое состояние — историю, о которой предпочитают молчать.

И всё же существуют вещи, стоимость которых невозможно определить ни одним из этих способов.

Последние две недели я особенно часто думаю об этом.

Сегодня мне предстоит закончить один часовой механизм и проверить несколько серебряных изделий. Завтра, вероятно, снова придут с вопросами о заказах. Нужно сохранять спокойствие.

В конце концов, хороший мастер знает: самое трудное — не создать вещь, а сделать так, чтобы никто не заметил, сколько труда потребовалось, чтобы она стала совершенной.

Последнее время меня всё чаще раздражают проверки изделий. Каждое серебряное украшение должно соответствовать установленной пробе, иметь надлежащие клейма. В Копенга-

гене за этим следят давно, и я не отрицаю необходимости таких правил. Но иногда кажется, что проверяющие доверяют клейму больше, чем человеку, который провёл над изделием несколько дней.

На прошлой неделе я спорил с поставщиком о качестве серебра. Он уверял, что металл соответствует заявленной пробе. Я же обнаружил несоответствие и отказался принимать партию на прежних условиях.

Хороший мастер должен знать не только стоимость металла, но и его истинную природу. Золото умеет скрывать многое. Серебро тоже.

Сегодня еще предстоит платить за жилье, Карен, хозяйка моей квартиры, очень добрая, красивая женщина, она уже привыкла, что я задерживаю плату, но ее доброта не будет бесконечной.

Как известно, пока сознание доброго человека ищет оправдания тем, кто этого не ценит. Подсознание ведет сухой и точный учет всех поступков окружающих Глубоко внутри идет счетчик, и как только лимит достигнут, добрый человек уходит, уходит навсегда без объяснений, либо просто выгоняет жильца на улицу.

С первого октября вступят в силу новые правила налога на недвижимость.

Говорят, государство намерено навести порядок в учёте земель, домов и помещений, приносящих доход.

Наши домовладельцы уже обсуждают новые расходы. Я снимаю помещение под мастерскую и пока не знаю, насколько это отразится на моей арендной плате. Но подозреваю, что государство редко вспоминает о купцах и ремесленниках без причины, а домовладельцы ещё реже забывают о своих расходах.

Странное время: прежде чиновников интересовало, чем человек торгует и сколько он зарабатывает.

Теперь их всё больше занимает и то, под какой крышей он работает.

Конечно, Копенгаген стал богатым городом благодаря морю.

Наши торговые дома знают цену далёким портам, иностранным товарам и чужим рынкам.

Среди моих заказчиков немало людей, чьи состояния выросли на торговле сахаром из Вест-Индии. Они заказывают золотые часы, серебряные кубки, табакерки и фамильные украшения.

Некоторые из этих состояний связаны с плантациями и трудом порабощённых людей. Об этом не принято говорить за обеденным столом, особенно когда на столе стоит серебро, изготовленное руками таких же мастеров, как я.

В следующем году должен вступить в силу запрет на датскую торговлю невольниками через Атлантику.

Это решение было принято ещё десять лет назад, но до сих пор корабли продолжали перевозить людей из Африки в наши колонии.

Говорят, за последние годы таких перевозок было особенно много.

Любопытно, изменится ли что-нибудь в наших торговых домах.

Надо будет поговорить с Карен — насколько я помню, её муж был связан с работорговлей.

А сейчас, пора уже расплавить чертовы рога, пока не наступило утро.

Глава 4

Копенгаген, наши дни.

Сопоставив информацию, Кристиан решил всё же посмотреть письмо, поскольку оно уже было вскрыто. Взяв конверт, он высыпал всё, что в нём было, на стол. Оказалось, что внутри были письмо, старая фотография и пара металлических ключей.

На фотографии были двое молодых людей, стоящих на площади перед Копенгагенским университетом. За их спинами возвышалось старинное здание с величественным фасадом, высокими окнами и двуглавым орлом на крыше. Один держал в руках книги, другой — пальто. На обоих была простая, немного небрежная одежда восьмидесятых. Они выглядели беззаботными и молодыми. Один смотрел прямо в объектив, другой с улыбкой обращался к товарищу. Казалось, они только что вышли с лекции и ещё не закончили какой-то увлекательный разговор. Вокруг кипела обычная университетская жизнь: прохожие, велосипеды, автомобили. И никто не подозревал, что этот ничем не примечательный день однажды станет воспоминанием, которое захочется сохранить.

Перевернув фотографию, Кристиан увидел надпись на пожелтевшей бумаге синими чернилами: «Thomas & I, KU, 1986».

Два старых серебристых металлических ключа с потёртой матовой поверхностью. Первый — широкий, с массивной скруглённой головкой и короткими зубцами. Второй — более вытянутый, с заострённым концом и асимметричными зубцами. На обоих были заметны продольные канавки и следы времени.

Закончив внутреннюю борьбу между любопытством и правилами приличия, Кристиан развернул письмо:

«Дорогой Питер!

Если ты читаешь это письмо, значит, мне не удалось поговорить с тобой лично. Зайди в мой кабинет. Второй ключ открывает ящик стола. Возьми записную книжку. Сначала прочитай её.

— Эмиль»

«Чёрт! Надо просто позвонить Питеру и объяснить ситуацию. Вдруг это срочно и важно».

С этой мыслью он набрал номер Питера.

«Абонент временно недоступен…»

«Наверное, он выключил телефон на время конференции».

Для очистки совести он отправил Питеру сообщение: «Привет, Питер! Позвони, пожалуйста, когда будет возможность».

«Кажется, я сделал всё, что мог», — сказал он Оливеру.

Пора заняться работой. С этой мыслью он открыл ноутбук и начал читать рабочую почту.

Кристиан работал юристом по интеллектуальной собственности в одной из компаний «Большой четвёрки». Компания позволяла ему большую часть времени работать вне офиса и приходить в офис три раза в неделю.

В рабочей почте было письмо от руководителя департамента:

«Доброе утро, Кристиан!

Мне нужно, чтобы сегодня в 14:00 ты присутствовал на встрече в Копенгагенском университете с руководителем юридического департамента университета. Один из их научных сотрудников недавно сделал значимое научное открытие, и университету требуется юридическое сопровождение в вопросах защиты и управления интеллектуальной собственностью, связанной с этим исследованием.

Нам необходимо обсудить правовые аспекты, принадлежность прав на результаты исследования, возможности патентной защиты, а также условия дальнейшего сотрудничества и коммерциализации открытия.

Учитывая твой опыт в области интеллектуальной собственности и договоров на проведение научных исследований, я хотела бы, чтобы на этой встрече ты и Массимо представляли нашу компанию. Пожалуйста, ознакомься с имеющимися материалами перед встречей. Я перешлю тебе всю доступную документацию в ближайшее время.

С уважением,Camilla Vestergaard»

Если Кристиан и был немного удивлён странными совпадениями, происходившими с ним сегодня, то решил подумать об этом позже. Сейчас у него было три часа, чтобы ознакомиться с документами. Благо, университет находился рядом.

Он заварил себе ещё одну кружку кофе, взял вазочку с печеньем и поставил пластинку джаза для работы. За окном было светлое солнечное утро — это подняло настроение. «Как прекрасно жить там, где солнечный день! Это уже отличный повод радоваться жизни», — подумал Кристиан. «Обязательно прогуляюсь сегодня по парку, куплю себе минишпандауэры — это уменьшенная версия традиционной датской выпечки».

Оливер, словно читая его мысли, принёс поводок.

«Да, приятель, обещаю, я возьму тебя с собой», — сказал он и погрузился в работу.

Однако уже через час у него от увиденного просто всё кипело в голове. Он взял пальто и вышел на улицу, решив, что лучше пообедает в кафе, а потом поедет на встречу в университет.Перед этим, он и сам не понимая зачем, взял с собой конверт, который был предназначен Питеру.

Глава 5

Копенгаген, 1802 год.Муж Карен, Мадс, умер месяц назад при загадочных обстоятельствах, их браку не было ещё и трёх лет, однако у них родилась единственная дочь, Анна.Я не помню, чтобы его смерть произвела в доме особенное впечатление.Разумеется, соседи говорили о ней, женщины вздыхали на лестнице, кто-то принёс Карен немного еды, а старуха из соседнего дома даже заходила предложить свои услуги по уходу за ребёнком.Но Копенгаген не умеет долго скорбеть.Здесь слишком много людей умирает, слишком много кораблей приходит в гавань и слишком много счетов ждёт оплаты.Жизнь быстро возвращает человека к его мелким обязанностям.Карен теперь оставалась одна с девочкой.Я встречал её почти каждый день. Она стала ходить несколько медленнее, чем прежде, и, когда поднималась по лестнице, иногда задерживалась на площадке, будто ей требовалось собраться с силами, прежде чем открыть дверь.На ней всегда было одно и то же тёмное платье. Оно сидело на ней аккуратно, хотя я заметил, что ткань на локтях уже начала истончаться.Она не производила впечатления женщины, которая любит жаловаться.Впрочем, я не уверен, что у неё вообще имелась такая возможность.Её дочь, Анна Маргрете, была ещё совсем маленькой. Девочка часто стояла у окна, прижав ладони к стеклу, и смотрела на прохожих.Иногда она спрашивала, когда вернётся отец. Этот вопрос я услышал однажды, проходя мимо их двери. Карен ответила не сразу.Потом сказала что-то очень тихо, так, что я не разобрал слов.Мне почему-то запомнилось именно это молчание.Я должен был Карен деньги за аренду.Сумма была невелика, но в моём нынешнем положении даже небольшие суммы имеют неприятную привычку становиться значительными. А она только что похоронила мужа.Я несколько раз собирался поговорить с ней, объяснить задержку и попросить ещё немного времени.Однако каждый раз, встречая её на лестнице, я откладывал разговор.Это было глупо и низко.Долг не исчезает оттого, что кредитор переменился.И всё же мне было неловко смотреть ей в глаза.Прежде Мадс занимался хозяйственными делами.Он умел говорить о деньгах без всякого смущения, как будто деньги были такими же обычными предметами, как хлеб или дрова. С ним можно было договориться, поспорить, отложить платёж на несколько дней. Карен же казалась мне человеком совсем другого склада. Она не требовала, не повышала голоса и не напоминала о долгах. Но именно поэтому её молчание было неприятнее всякого упрёка.Однажды утром я встретил её во дворе. Она несла корзину с покупками, а на её плече висел старый шерстяной платок. Ветер с улицы пробирался во двор, шевелил края её юбки и поднимал пыль у порога.— Госпожа Нёррегорд, — сказал я, — я хотел бы поговорить с вами об аренде.Она остановилась.Я приготовился объяснять, что обстоятельства сложились не самым благоприятным образом, что скоро я надеюсь получить деньги и что не собираюсь уклоняться от обязательств.Но она лишь посмотрела на меня и спросила:— Вы сможете заплатить на следующей неделе, господин Хайденрайх?Я ответил, что постараюсь.Она кивнула, словно этого было достаточно, и продолжила свой путь.Мне стало ещё более неловко.В её голосе не было ни доверия, ни раздражения. Только усталость человека, которому приходится рассчитывать на обещания других, потому что собственных средств недостаточно.Я думал о ней позже, уже у себя в комнате. О том, как легко человеку потерять всё, что ещё вчера казалось надёжным.Муж, заработок, привычный порядок, уверенность в завтрашнем дне — иногда достаточно одной болезни или нескольких неудачных недель, чтобы всё это исчезло.И вот теперь Карен должна была сама разбираться с делами Мадса, заботиться о девочке и решать, как жить дальше.Я не знал, что она собиралась предпринять.Не знал, были ли у неё родственники, готовые помочь, и имелись ли сбережения. Но я видел, что она старалась держаться с достоинством. Даже в трауре она не позволяла себе выглядеть беспомощной.Вечерами из её комнаты доносился негромкий голос. Иногда она читала девочке, иногда пела. Пение было негромким, почти лишённым мелодии, но я невольно прислушивался. В

такие минуты дом казался мне менее холодным.Я всё ещё был должен ей за аренду.И, пожалуй, именно это обстоятельство заставляло меня думать о ней чаще, чем следовало бы.Не о её красоте — хотя в ней было что-то привлекательное, особенно когда она забывала о собственной усталости и улыбалась дочери. Не о её горе — чужое горе редко бывает понятно постороннему человеку. Я думал о том, что она, вероятно, ждёт от меня денег, а я пока не могу их отдать, это ужасно бесило, особенно когда в мастерской лежит 7 кг золота. Забавное это чувство: как что-то столь ценное, из мечты и желаемого всеми объекта, может так быстро и так легко превратиться в тяжёлую, холодную ношу.И каждый раз, когда я смотрел на него, мне казалось, что оно обладает собственным весом не только на весах, но и в человеческой совести.Карен ничего об этом не знала.Она видела во мне лишь соседа, часовщика, который задерживает плату за комнату.И, быть может, в тот момент это было единственное, чем я действительно являлся для неё.Впрочем, у меня самого было достаточно причин беспокоиться о будущем: нужно было кормить семью и заботиться о матери.Завтра я пойду к ювелиру и попробую продать ему золотые монеты, которые сделал из золота рогов два дня назад. Я выбрал индийские пагоды.Маленькая, тяжеловатая, с неровным рельефом и непривычным для европейского глаза изображением.Монета из Южной Индии, из того далёкого мира, который в Копенгагене существовал преимущественно в рассказах моряков, в счетах купеческих домов, в запахе пряностей и в сундуках, прибывавших из-за океана.— Я выбрал её не случайно. Пагода известна. Её имя имеет вес. Её принимают не потому, что каждый ювелир способен рассказать вам, кто именно и при каком правителе её отчеканил.Нет. Её принимают потому, что она давно ходит по рукам и пользуется доверием. А доверие иногда дороже самого золота.В Копенгагене, городе купцов, моряков и менял, восточные монеты не были чем-то совершенно неслыханным.Датские корабли ходили в Ост-Индию; торговля там считалась делом престижным, а товары и золото дальних стран придавали их владельцам особый вес.Кроме того, посмотрите на рисунок. Он не похож на наши аккуратные европейские монеты.Здесь нет тонкого портрета государя, нет сложного герба, нет надписи, которую всякий грамотный человек мог бы сравнить с образцом. Изображение простое, несколько грубоватое. Его можно воспроизвести, если у вас есть терпение, хороший глаз и достаточно ловкие руки.А ещё в Копенгагене практически нет ювелиров, которые видели бы оригиналы, которыми торгуют в Индии.Поэтому монеты стоили чуть меньше самого золота, из которого они были сделаны.Однако они давали возможность продать украденные рога и получить реальные, законные деньги.Только вот нужна была убедительная легенда о происхождении самих монет, в которую хочется верить.И у Нельса она была…Его мысли непроизвольно вернулись к Карен, он решил, что ей тоже можно заплатить золотом, но не монетами, а более красивыми вещами, и, может быть, она не захочет их просто продать… Может быть, даже захочет его поцеловать в знак благодарности.Но эти мысли он от себя гнал: дома были жена и трое детей.

Глава 6

Копенгаген, наши дни.Кристиан вошёл в кафе Oscar на Bredgade 58. Это было его любимое кафе ещё с самого детства: от него до главного корпуса Копенгагенского университета — 15 минут пешком.Нужно было встретиться с Массимо. Он был итальянцем, но уже очень долгое время жил и работал в Копенгагене, что позволило ему стать намного спокойнее типичных итальянцев. При этом у него сохранилась итальянская привычка эмоционально жестикулировать руками во время разговора.Массимо был ровесником Кристиана и отличным специалистом не только в итальянской кухне, но и в праве интеллектуальной собственности. Они уже несколько раз работали совместно над сопровождением проектов, и, по мнению Кристиана, были хорошим тандемом. Спасибо всем богам, что руководитель их департамента думала так же. Иначе ему пришлось бы работать вместе с Фридрихом, а у них были натянутые отношения.Заказав любимый фиш энд чипс и кофе, Кристиан попытался осмыслить новое открытие учёных физиков. Но чем больше он думал о нём, тем больше оно казалось ему просто невозможным. Ведь если новое открытие правдиво, то, по мнению Кристиана, оставалось пара шагов до мысли о реальной возможности путешествия во времени. Хотя после прочитанной концепции он теперь вообще не был уверен, что понимает, что такое «время»…«Какой же насыщенный понедельник», — подумал он с полутоской… и в этот момент в кафе вошёл Массимо.По его лицу Кристиан понял, что Массимо тоже всё ещё пытается осмыслить документы, которые им прислали. Но, судя по всему, как и Кристиан, он всё ещё не смог этого сделать.— Привет, ты это видел? — спросил Массимо, скорее чтобы начать разговор и выразить крайнюю степень шока и удивления. — Как это вообще возможно?!За это Кристиан и любил их департамент интеллектуальной собственности и патентов. Его ежедневная работа не была скучной юридической рутиной. Почти каждое новое дело было открытием, способным изменить если не судьбу человечества, то судьбу нескольких тысяч человек — абсолютно точно.И при всём их опыте этот заказ Копенгагенского университета был особенным. Они хотят опубликовать и защитить идеи учёного физика Яна Амбьёрна, которые очень необычно меняют привычное представление о Вселенной.Главная мысль: пространство и время могут быть не готовой сценой, на которой происходит жизнь, а результатом физических процессов, благодаря которым сама эта сцена возникает.— Привет, я пока просто пытаюсь понять, что именно я видел, — сказал Кристиан.До встречи в университете оставалось уже меньше часа, а они всё ещё не понимали, с чем имеют дело, и могли выглядеть непрофессионально.Массимо заказал кофе и термосу и достал блокнот.— Смотри, что я смог понять, — он открыл блокнот, вытащил из кармана пиджака ручку и начертил стрелу, отметив на ней 3 точки. — В норме мы думаем о времени так: прошлое настоящее будущее, — сказал Массимо.Кристиан быстро кивнул.— Но в современной физике есть несколько концепций, которые позволяют посмотреть на эту последовательность иначе. Первая: прошлое, настоящее и будущее могут существовать одновременно. Это известная как концепция блочной вселенной.Представь себе, что ты держишь в руках старую книгу в потёртом кожаном переплёте. В ней есть первая страница, сотая и последняя. На одной — маленький мальчик впервые наряжает ёлку с родителями, на другой — уже взрослый он смотрит на дождь за окном незнакомого города, а гдето ближе к концу персонаж встречает человека, которому однажды доверит самое дорогое.Все страницы уже существуют одновременно в книге, которую ты держишь. Но герой книги этого не знает. Он живёт последовательно на страницах книги: помнит прочитанное, переживает происходящее и тревожится о том, что ещё не открылось ему.Концепция блочной вселенной предполагает, что наша Вселенная устроена похожим образом. В четырёхмерном пространстве времени твоё детство, сегодняшний день и жизнь через двадцать лет можно представить как разные события единой структуры — или книги. Ребёнок, которым ты был в детстве, не обязательно исчез. Он суще-

ствует в своей точке пространства времени. Просто ты уже находишься в другой. Но некоторые события, произошедшие с тобой в детстве, всё ещё влияют на тебя. А где-то впереди находится тот ты, которым тебе ещё предстоит стать.Мы видим одну страницу и называем её настоящим. Но, возможно, Вселенная — это целая книга, в которой все страницы существуют одновременно. Вопрос только в том, что, если путешествие во времени — это не перемещение в прошлое или будущее, а возможность каким-то образом изменить положение наблюдателя относительно четырёхмерного пространства времени, то что тогда? - Если событие уже является частью четырёхмерной структуры, означает ли это, что к нему можно переместиться?, спросил Кристиан- Нет, автоматически не означает. Для этого потребовался бы физический механизм, если я правильно понял.Массимо так просто описал то, к чему физика пришла за последние 100 лет тяжёлым трудом, что Кристиан невольно подумал, что горд работать с ним в одном департаменте.— Так, но если я правильно понял, идея Яна в другой концепции, верно?— Да. — Если в концепции блочной вселенной вопрос: «Существует ли наше будущее уже сейчас в рамках книги?», то в идее Яна вопрос скорее: «Существуют ли альтернативные книги с другими ветками истории этого персонажа?»Это как игра с открытым миром, и в концепции Яна время не является чемто само собой разумеющимся. Персонаж живёт внутри игрового мира. Для него есть вчера, сегодня и завтра — или нет этого, и есть только игровой мир. Но для компьютера игровой мир — это вычисляемая система, а игровое время зависит от её устройства. Это лишь приблизительная аналогия.Но если наше привычное время — не фундаментальная характеристика реальности, а результат более глубоких физических процессов, тогда можно исследовать, существуют ли способы описания реальности, в которых привычная временная последовательность не является первичной. Условно, существует открытый игровой мир, где нет заранее известного финала и нет времени в общем смысле. Но ты можешь возвращаться в те моменты игры, где ты сохранялся.Массимо с видом ребёнка, которому только что купили последний PlayStation, посмотрел на Кристиана. И стало понятно, что это тот случай, когда само открытие интересует больше, чем рабочая задача.Они закончили обед и направились в университет. Погода была отличная для неспешной прогулки по старому кварталу. Настолько старому, что часть домов принадлежала ещё тем семьям, которые их построили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.